

Научная статья. Политические науки
УДК 314.74(560+520)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-01-192-207>

ВОПРОСЫ ТУРЕЦКОЙ ИММИГРАЦИИ В ЯПОНИЮ В ЯПОНО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Ольга Андреевна Ледовская

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
oaled@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-416-3132>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с иммиграцией в Японию турецких граждан и этнических граждан курдского происхождения, повлиявшие на развитие японо-турецких отношений. Анализируются проблемы турецких и курдских иммигрантов, связанные с низким уровнем признания беженцев в стране. Приводятся основные действующие законодательные положения, связанные с иммиграционной политикой в Японии, оказавшие влияние на иммиграцию турецких граждан в Японию.

Ключевые слова: турецкая иммиграция, турецкие граждане, этнические граждане курдского происхождения, низкий уровень признания беженцев

Для цитирования: Ледовская О. А. Вопросы турецкой иммиграции в Японию в японо-турецких отношениях. *Восточная аналитика*. 2024;14(1):192-207. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-01-192-207>

Original article. Politics studies

ISSUES OF TURKISH IMMIGRATION TO JAPAN IN JAPANESE-TURKISH RELATIONS

Olga Ledovskaya

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
oaled@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-416-3132>

Abstract. The article discusses issues related to the immigration of Turkish citizens and ethnic citizens of Kurdish origin to Japan, which influenced the development of Japanese-Turkish relations. The problems of Kurdish immigrants related to the low level of recognition of refugees in the country are analyzed. The main current legislative provisions related to immigration policy in Japan, which affected the immigration of Turkish citizens to Japan, are presented.

Keywords: Turkish immigration, Turkish citizens, ethnic citizens of Kurdish origin, low level of refugee recognition

For citation: Ledovskaya O. A. Issues of Turkish Immigration in Japan in Japanese-Turkish Relations. *Eastern Analytics*. 2024;14(1):192-207. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-01-192-207>

В XXI веке происходят крупномасштабные миграционные процессы, которые оказывают большое влияние на политическую, экономическую и социальную ситуацию внутри стран, а также на межгосударственные

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

отношения. Примером этому может послужить вопрос турецкой иммиграции в Японию и влияние этого процесса на политический диалог между Японией и Турцией.

В этой связи нельзя не упомянуть об определенной напряженности в двусторонних японо-турецких отношениях, возникшей в связи с новыми законодательными актами в Японии, связанными с вопросами трудовой миграции. В январе 2019 г. турецкая сторона выразила обеспокоенность в связи с новой политикой Токио в отношении трудовой миграции. Это было вызвано тем, что в декабре 2018 г. парламент Японии принял законодательные поправки, которые впервые в послевоенной истории фактически отменили запрет на использование в стране иностранной рабочей силы. Власти были намерены ввести новую систему широкого найма рабочих-иммигрантов, которых будут использовать в 14 секторах экономики, где ощущалась нарастающая нехватка рабочих рук. Это, в первую очередь, строительство, сельское хозяйство, уход за больными и престарелыми, судостроение. Иностранцам с достаточным знанием японского языка предполагалось выдавать длительные визы на срок до пяти лет без права привозить свои семьи в Японию. Еще более квалифицированным зарубежным рабочим позволялось продлевать визы без ограничения срока, вплоть до получения постоянного вида на жительство. Представители этой категории получали право приглашать в Японию свои семьи.

При этом в контексте вступившего в силу в Японии 1 апреля 2019 г. закона о предоставлении вида на жительство для иностранцев было распространено уведомление с предварительным списком стран, включавшим Турцию, из которых не будут приниматься рабочие. В связи с этим 31 января 2019 г. в МИД Турции был вызван посол Японии Миядзава Акио, и до его сведения была доведена позиция турецкой стороны в отношении того, что «такое положение дел противоречит духу стратегического партнёрства между странами, их дружественным отношениям», и была выражена надежда на то, что «в самом скором времени данное решение (о включении в список Турции – ред.) будет пересмотрено» [Посол 2019].

Эти активные действия турецкой стороны привели к тому, что Япония достаточно оперативно исключила Турцию из числа стран, из которых запрещена трудовая миграция. 2 апреля 2019 г. в коммюнике МИД Турции было выражено удовлетворение «решением властей Японии исключить Турцию из числа стран, работники которых не смогут въезжать в страну из-за вступившего 1 апреля 2019 года закона о порядке

выдачи вида на жительство. Этот шаг соответствует духу дружественных отношений между Турцией и Японией, с которой сложились исторические и долгосрочные связи» [Турция, 2019]. Таким образом, очевидно, что турецкая сторона внимательно следит за происходящими миграционными процессами в Японии, а японская сторона стремится не обострять чувствительных для Анкары вопросов.

Здесь следует остановиться на основных аспектах, связанных с иммиграцией из Турции в Японию. Число турецких граждан в Японии начало увеличиваться в начале 1990-х гг. Как отмечают японские эксперты, в 1990 г. в Японии насчитывалось всего 205 турецких граждан [Takeshita 2015, p. 196]. При этом отмечается отсутствие точных сведений о происхождении этого миграционного движения, однако предполагается, что самые ранние иммигранты из Турции были родом из города Фатса в провинции Орду в Центрально-Черноморском регионе Турции. Кроме того, существуют также этнические граждане Турции курдского происхождения, которые начали приезжать в Японию примерно в середине 1990-х гг. в результате политических проблем на родине.

В 1990-е гг. почти все турецкие и курдские иммигранты прибывали в Японию в качестве туристов. Затем, по истечении срока действия их туристических виз, они становились нелегалами среди многих других нелегальных иммигрантов, прибывших в Японию в этот период. Этому во многом способствовал экономический бум в Японии в 1980-е гг., который привлек в страну граждан мужского пола из различных азиатских стран, в том числе из Турции. Турок привлекали возможности трудоустройства и получение высокого уровня доходов. Приехавшие в Японию в качестве туристов, они затем работали без разрешений в компаниях по сносу зданий, строительстве и небольших производственных компаниях и на автомобильных заводах [Avci 2020, p. 105].

До 2010 г. число турецких и курдских просителей убежища было неопределенным. Однако после решения японского правительства в 2020 г. предоставлять разрешения на работу законно проживающим заявителям о предоставлении убежища число турецких и курдских просителей убежища начало неуклонно увеличиваться, отражая более общую тенденцию в подаче заявлений о предоставлении убежища в Японии. Заявки поступили от 94 чел. в 2009 г., а в 2017 г. – от 1195 чел. [Sirkeci 2017, p.127–144]. Граждане Турции в течение двух лет – в 2012 и 2013 гг. – возглавляли список обратившихся за убежищем в Японии.

При этом необходимо принимать во внимание внутривнутриполитические события в Турции, повлиявшие на этот процесс. После 2013 г. политика в стране стала более поляризованной, а неудавшаяся попытка государственного переворота в июле 2016 г. привела к резкому росту иммигра-

ции из Турции в 2016 и 2017 гг. [Sirkeci 2017, p. 127–144]. Несмотря на то, что государственный переворот не увенчался успехом, его последствия для турецкого общества были существенными: законодательными указами были уволены тысячи правительственных чиновников, учителей, сотрудников силовых ведомств, были проведены кадровые чистки, в частности, в МИДе Турции [Yilmaz, Turner 2019, p. 691]. У почти двухсот студентов, участвовавших в государственной стипендиальной программе, стипендии были аннулированы [Avci 2020, p. 32].

Настоящей информационной бомбой стало сообщение, что после неудавшегося переворота один из сотрудников консульства Турции в Казани сбежал в Японию [Японские дипломаты 2016]. Как отмечали эксперты, это было удивительным выбором страны для побега для турецкого гражданина, так как «власти Японии в прекрасных отношениях с Эрдоганом и, более того, крайне редко дают убежище политическим беглецам» [Японские дипломаты 2016].

Одним из факторов, способствовавших турецкой иммиграции в Японию, явилось соглашение о взаимной отмене виз между Турцией и Японией, вступившее в силу в 1958 г., которое позволяет гражданам Турции посещать Японию на срок до 90 дней без визы в туристических целях. Кроме того, в Японии действует нормативный акт, позволяющий повторное обращение и получение разрешения на работу более чем через шесть месяцев после подачи заявления о предоставлении убежища, введенный правительством в 2010 г. Как отмечают эксперты, «эти факторы способствуют предоставлению убежища мигрантам в Японии и создают особые рамки возможностей для граждан Турции» [Avci 2020, p.12].

Большинство беженцев не проходят так называемую «процедуру определения». Защита беженцев обычно требует сотрудничества между министерствами и правительственными учреждениями. Однако, руководствуясь вопросами безопасности, а не гуманитарными подходами, Министерство юстиции Японии несет единоличную ответственность за все вопросы, касающиеся беженцев: отвечает за принятие ходатайств о предоставлении убежища в целях их защиты после признания, несет ответственность за иммиграционный контроль.

Согласно исследованиям организации Amnesty International, японская политика в отношении беженцев была «несовершенной в ряде аспектов» [Avci 2020, p. 85] в результате «произвольной и чрезмерно политизированной» процедуры определения статуса, которая не соответствовала «международным обязательствам Японии» [Avci 2020, p. 85] в отношении защиты беженцев.

Пересмотр Закона об иммиграционном контроле и признании беженцев (ICRRA) в Японии в 2004 г. улучшил процесс определения статуса

беженца в трех областях. Во-первых, было отменено «правило 60 дней». Теперь лицам, ищущим убежища, разрешалось подавать свои заявления даже по истечении 60 дней. Во-вторых, была введена система выдачи разрешений на временное пребывание, позволяющая нелегальным резидентам иметь статус законного резидента в процессе определения статуса беженца, если они подают заявление о предоставлении убежища. И, наконец, проверка статуса беженца включала в процесс административного рассмотрения деятельность консультантов. Однако этих изменений было далеко недостаточно для решения всех проблем, связанных с политикой Японии в отношении беженцев [Avcı 2020, p. 87]. Тем не менее простой отмены «правила 60 дней» было достаточно, чтобы увеличить число ходатайств о предоставлении убежища, которое почти утроилось в период с 2005 по 2006 г. [Avcı 2020, p. 87].

Характерной особенностью турецкой иммиграции в Японию является компактное проживание мигрантов. Создание своих анклавов, которые становятся центрами притяжения вновь прибывающих, упрощает процесс психологической адаптации, делает более доступным в финансовом отношении приезд в страну.

Турецкие граждане в Японии в основном проживают в трех префектурах: Айти (город Нагоя), префектуры Токио и Сайтама (города Вараби и Кавагути). В префектуре Айти отмечается самая высокая концентрация турок (здесь проживает треть турок в Японии). Большая часть турецких граждан, проживающих в Нагое, родом из Фатса и Орду [Takeshita, Nanaoka 2015, p. 196]. Есть выходцы и из других городов, таких как Адыяман, Стамбул и Токат, хотя их численность значительно ниже по сравнению с жителями из Орду [Takeshita, Nanaoka 2015, p. 196]. Это этнические турки, поэтому турецкие эксперты в отношении них предпочитают использовать термин «турецкие иммигранты» [Avcı 2020, 105].

Большинство из них работают разнорабочими на сносе зданий, строительстве и производстве. Примечательно, что при сносе строений турецкие иммигранты создали своего рода миграционную нишу. Через социальные сети новички легко находят работу в этих секторах. Опасный и непостоянный характер этих рабочих мест делает их нежелательными для самих японцев. Кроме того, по оценкам, в Японии насчитывается 8 млн пустующих домов и ожидается, что к 2033 г. это число увеличится до 20 млн [Avcı 2020, p. 162]. Таким образом, индустрия сноса зданий растет и, как ожидается, продолжит расти в будущем.

Однако предложение рабочей силы далеко не соответствует спросу в этой отрасли экономики. В результате строительная отрасль (и снос зданий) в Японии испытывает значительную нехватку рабочей силы, что, в свою очередь, облегчает возможности трудоустройства турецких

иммигрантов в этих секторах японской экономики [Takeshita, Nanaoka 2015, p. 200]. Для турецких иммигрантов характерен разнообразный род занятий в Японии. Есть высококвалифицированные специалисты, которые работают на престижных должностях в Токио. Кроме того, к этому списку могут быть добавлены учителя языковых школ, государственные чиновники и научные исследователи. Кроме перечисленных сфер деятельности есть турки, владеющие сувенирными магазинами или ресторанами и барами, а также топ-менеджеры, работающие в японских компаниях. Также нельзя не признать тот факт, что растет число турецких студентов, которые находятся в Японии с целью обучения.

В Токио действуют около тридцати турецких ресторанов (кебабных), где работают повара турецкого кебаба, приехавшие в Японию по визе квалифицированного мигранта, также там находит работу низкоквалифицированный персонал из Турции. Все они посещают турецкую мечеть (официально Токийская Камия и Турецкий культурный центр)¹ в Токио, которая служит местом сбора религиозных турецких граждан и играет важную роль в объединении тюрко-турецких граждан в Японии.

Эксперты в вопросах турецкой иммиграции считают, что «благодаря наличию работы, регулярной или нерегулярной, и возможности заключения брака в Японии, опыт турецких и курдских просителей убежища в Японии можно назвать «продуктивной ограниченностью» (concept of liminality) [Avci p. 229]. Это, по их мнению, связано с тем, что «получить убежище в Японии непросто. Это длительный процесс, который, скорее всего, закончится неблагоприятным решением, поскольку уровень признания беженцев в стране невысок. Единственный результат – возвращение в Турцию или повторная подача заявления – процесс, который может занять годы» [Avci 2020, p. 229].

В 2004 г., когда японское правительство объявило «пятилетний план по сокращению вдвое числа нелегальных иммигрантов», это коснулось и турецких граждан в Японии. Число просрочивших свою визу среди них сократилось, и начиная с конца 1990-х гг. все большее их число обращалось к японским властям с ходатайством о предоставлении убежища. По мнению турецкого исследователя Юсуфа Авчи, эту тенденцию можно рассматривать как часть более широкого изменения миграционных тенденций в Японии [Avci 2020, p. 104].

В этой связи следует особо выделить проблему курдских иммигрантов в Японии. В Сайтаме и, в частности, в городах Вараби и Кавагути проживает несколько тысяч курдов из Турции. В результате растущей политической напряженности и насилия в Турции многие курды искали

---

¹ Имам мечети назначается управлением по делам религий Турции.

убежища в Европе [Mahmod 2016]. Однако получить убежище в европейских странах из-за строгих визовых требований было возможно не для всех. В этом контексте Япония стала альтернативой Европе для курдских просителей убежища благодаря вышеназванному соглашению об отмене виз, которое позволяло гражданам Турции посещать Японию в качестве туристов на срок до 90 дней без подачи заявления на визу. Несмотря на то, что у некоторых курдов были причины ходатайствовать о предоставлении убежища в Японии в течение этого периода, они не знали о такой возможности. Кроме того, по истечении 60 дней ходатайствовать о предоставлении убежища по существовавшим в то время правилам уже было невозможно². Поэтому почти все они становились нелегальными мигрантами.

Широкую огласку в Японии получили несколько случаев нелегального пребывания курдов в Японии: в 1996 г. группа курдов из Турции, получив отрицательное решение по их заявлению на получение статуса беженцев в Токио, была депортирована в Турцию. В 1999 г. они вновь прибыли в Японию и повторили свое ходатайство. В связи с этим в Турцию был направлен японский адвокат по правам человека в рамках юридических консультаций курдам с целью сбора информации о них. После их депортации в Турцию они были там задержаны [Avci 2020, p. 108]. Спустя два года после этого в 2001 г. пятеро курдских просителей убежища объявили голодовку в Иммиграционном бюро Японии в Ибараки. Среди них оказался один из просителей убежища, задержанных в Турции после депортации из Японии в 1999 г. Он вернулся в Японию в 2001 г. и вновь подал прошение о предоставлении убежища в аэропорту Нарита. Голодовка была организована для того, чтобы остановить депортацию группы в Турцию. Через неделю после начала голодовки курду было предоставлено специальное разрешение на пребывание. Следует подчеркнуть, что впервые курдскому просителю убежища было предоставлено подобное разрешение [Asakura 2001].

Внимание японской общественности к курдам, ходатайствовавшим об убежище в Японии в 2001 и 2002 гг., не было случайным, т. к. граждане Турции стали главными претендентами на получение этого статуса в течение этих двух лет.

Кроме того, в 2003 г. 30 курдских представителей направили письмо в Министерство юстиции с просьбой разъяснить причины отказа курдам в получении статуса беженца со стороны японских властей. По сути, курды потребовали предать гласности информацию о беженцах и жаловались на поведение иммиграционного персонала в Японии [Matsubara

---

² Это правило действовало до 2004 г.

2003]. С годами содержание под стражей и голодовки превратились в неотъемлемую часть повседневной жизни курдов, ищущих убежища в Японии. В этом отношении показателен пример одного курдского просителя убежища и его брата, находившихся под стражей в Иммиграционном бюро, которые в 2003 г. начали голодовку, требуя достойного обращения и переговоров с властями.

Год спустя, в 2004 г., их история попала в заголовки газет в Японии и за ее пределами. Они снова были в центре внимания, устроив сидячую забастовку у здания Университета Организации Объединенных Наций в Токио. Они потребовали от УВКБ ООН (Управление Верховного комиссара Организации Объединённых Наций по делам беженцев) содействия в признании их беженцами. Как оказалось, Министерство юстиции Японии направило специальную миссию в Турцию для проверки достоверности их заявлений о предоставлении убежища. Однако, позже выяснилось, что миссия сотрудничала с турецкими силами безопасности, что привело к бегству из семей, т. к. они не чувствовали себя в безопасности. [Matsubara, 2004]. Протест в форме сидячей забастовки продолжался в течение следующих 72 дней и получил значительную общественную поддержку. В августе в УВКБ ООН в Японии была подана петиция, подписанная 3000 гражданами Японии, с просьбой оказать поддержку курдским семьям. [Matsubara, 2004]. Для УВКБ ООН и НПО, работающих с беженцами в Японии, сопротивление курдских просителей убежища было радикальным и даже создало некоторые неудобства для последних [Shindo 2009]. Протестующие ожидали, что японские власти признают их беженцами или будут способствовать их переселению в третьи страны при содействии УВКБ ООН в Японии. Однако в отношении всех членов семей из Турции были изданы приказы о депортации, и все они были временно освобождены [Ito 2004]. Однако два месяца спустя Министерство юстиции Японии решило не продлевать статус временного освобождения курдов и буквально на следующий день, 19 января 2005 г. их депортировали в Турцию [Avci 2020, p. 110].

Всего за месяц до этого, в декабре 2004 г. 60 000 граждан Японии подписали и направили письмо в Министерство юстиции в поддержку курдских просителей убежища, т. к. решение правительства о депортации было совершенно неожиданным и шокирующим для японской общественности. Курды были признаны мандатными беженцами УВКБ ООН. Соответственно, их депортация вызвала огромную негативную реакцию среди японской общественности [Ito 2005]. Через два года, в январе 2006 г. с помощью НПО семья одного из курдов переселилась в Новую Зеландию, а другого – переехала в Канаду в 2007 г. [Ito 2007]. В результате упомянутых выше инцидентов курдские просители убежища стали

хорошо известной группой и почти символом борьбы просителей убежища в Японии. В то же время Иммиграционное бюро при министерстве юстиции Японии продолжало придерживаться строгой иммиграционной политики и в те годы не признало ни одного курдского просителя убежища беженцем.

В этот период ходатайство о предоставлении убежища также стало возможным для граждан Турции, которые являлись этническими турками. Поэтому, помимо курдов, турки также начали ходатайствовать о предоставлении убежища в Японии. Как упоминалось ранее, это было частью более общей тенденции, имевшей место в отношении предоставления убежища в Японии, которую эксперты назвали «миграцией с предоставлением убежища» [Avcı 2020, p. 111].

Как отмечают японские эксперты, есть две причины, по которым курды, ищущие убежища, продолжают приезжать в Японию, даже несмотря на то, что они не были признаны беженцами в Японии. Во-первых, поскольку система определения статуса беженца допускает повторную подачу заявлений, лица, ищущие убежища, могут продлить свое пребывание в Японии просто путем повторной подачи заявления. Во-вторых, благодаря созданию этнической общины, основанной на семейных и родственных связях, курдские просители убежища могут поддерживать друг друга, даже если они не получают официальной поддержки от правительственных и местных учреждений. Несомненно, механизмы поддержки со стороны этнических групп имеют решающее значение для лиц, ищущих убежища, и, в частности, для турецких и курдских лиц, ищущих убежища.

Хотя число турецких и курдских просителей убежища росло год от года, японские власти продолжали проводить политику непризнания ни одного турецкого гражданина в качестве беженца. В то же время причины непризнания турецких граждан становились все более очевидными. По мнению экспертов, прочные дипломатические отношения между Турцией и Японией были причиной того, что курдским просителям было трудно найти убежище в Японии [Ito 2012]. Президент Турции Р. Т. Эрдоган неоднократно выступал против предоставления убежища сторонникам Рабочей партии Курдистана³.

В то же время на политику японского правительства в отношении турок и курдов, иммигрировавших из Турции в Японию, влияют экономические и дипломатические интересы Токио в развитии и расшире-

---

³ Турецкое правительство пыталось различными способами подавить свою оппозицию, в частности в курдской диаспоре. Так, например, президент Турции Эрдоган согласился на членство в НАТО Финляндии и Швеции только при условии, что эти две страны передадут членов курдской оппозиции турецкому режиму [Rauhala et al, 2022].

нии партнерства с турецкой стороной. И японская, и турецкая стороны, заявляя, что внешнеполитические и стратегические политические цели Японии и Турции не пересекаются и не сталкиваются ни в каких областях, вызывающих серьезную озабоченность [Esenbel 2013], старались избегать чувствительных для них сторон двустороннего стратегического партнерства.

В городе Кавагути находится большая часть курдских просителей убежища в Японии⁴. Как правило, все они выходцы из деревень Северного Курдистана. Их неустойчивый правовой статус продолжает регулярно освещаться национальными и международными средствами массовой информации, и именно здесь стали очевидны проблемы системы временного освобождения. Почти все просители убежища, даже те, кто был временно освобожден, работали, чтобы выжить в Японии. Некоторые из них даже привлекались на общественные работы, финансируемые правительством. Один из курдских просителей убежища, который был временно освобожден, объяснил такой противоречивый подход японского правительства: «Япония запрещает нам работать, но все знают, что без иностранцев эта страна столкнется с массой проблем. Работников не хватает, и молодые японцы не могут выполнять эту работу. Правительство знает это лучше, чем кто-либо другой» [Wilson et al 2016].

Ставшее известным в Японии географическое обозначение «Варабистан», происходящее от названия города Вараби, стало популярным выражением, особенно после 2015 г. Название «Варабистан» использовалось для того, чтобы подчеркнуть концентрацию курдских просителей убежища в городах Вараби и Кавагути [Rich 2016].

Турецкие и курдские просители убежища регулярно привлекали к себе внимание из-за их нестабильного статуса в Японии. Этому также способствовала напряженность между представителями курдской и турецкой диаспор в сообществе беженцев в Японии. Так, в 2015 г. турецко-курдская община попала в заголовки газет Японии вследствие драки, которая вспыхнула на избирательном участке недалеко от посольства Турции в Токио во время процесса голосования на парламентских выборах, когда группа курдов вывесила курдский флаг. Вокруг посольства находились сотни турецких граждан – турок и курдов, поэтому противостояние между ними переросло в масштабное столкновение, в результате которого несколько человек получили ранения, включая сотрудников полиции [Visser 2015].

---

⁴ Кавагути – японский город с наибольшим количеством иностранцев, в том числе выходцев из Китая, Кореи, Вьетнама, Непала и Филиппин.

Произошедшее столкновение стало результатом этнополитической напряженности внутри общины. Эксперты отмечали, что в интернете происходили споры между курдами и турками, жившими в Нагое. При этом турки не имели никаких связей с курдской общиной. А в районе большого Токио у курдов и турок сложились сложные конкурентные отношения на работе. Все это привело к открытым столкновениям между членами двух общин [Avcı 2020, p. 113].

Об инциденте сообщили национальные и международные агентства, что, как подчеркивает турецкий исследователь Авчи, оказало негативное влияние на имидж турецких граждан в Японии [Avcı 2020, p. 113]. В этой связи интерес представляет противоположное мнение Хаммонд Келли, эксперта по Восточной Азии университета Арканзаса, которая считает, что большинство японцев не обращают внимание на эту ситуацию, что, возможно, указывает на то, что хотя МИД Японии считает свои отношения с Турцией важными, обычные японские граждане не в полной мере осведомлены о сложностях региональной политики на Ближнем Востоке. Хаммонд отмечает, что «отсутствие знаний об исламе создает препятствия для мусульман, живущих в Японии. Большинство немусульманского населения Японии, как правило, знакомо с хорошо известными исламскими доктринальными практиками, такими как воздержание от свинины и алкоголя. Однако очень немногие люди осведомлены о мусульманском населении Японии или о том, что многие мусульмане в Японии являются выходцами из Турции. Часто изображение мусульман в СМИ похоже на голливудские изображения и подчеркивают негативные стереотипы» [Hammond 2021].

Следует отметить, что правительство Японии, понимая важность ознакомления населения страны с исламским миром, запустило ряд программ, направленных на повышение осведомленности о мусульманской религии и мусульманах. Например, в 2001 г. Коно Йохэй, который возглавлял в то время МИД Японии, представил «Инициативу Коно», (официальное название «Диалог цивилизаций с миром Ислама») – план, направленный на укрепление и развитие двусторонних отношений с мусульманскими национальными государствами при одновременном просвещении японцев в отношении так называемого «мусульманского мира». При этом следует иметь в виду, что после 11 сентября 2001 г. в Японии произошла негативная реакция в отношении мусульман и проявилась тенденция к более тесному сотрудничеству с США в борьбе с терроризмом.

Небезынтересно отметить, что многие курды получают визы посредством заключения брака с японскими гражданами, и большинство из них благодаря этому получили «специальное разрешение на пребы-

вание» (Zairyū Tokubetsu Kyōka) – визы, которые должны обновляться каждые три месяца, в то время как их обращения о получении статуса беженца находятся на рассмотрении властей. Те курдские иммигранты, обращения которых были отклонены, но они отказываются быть депортированы и, как правило, проводят время в иммиграционных тюрьмах (обычно от шести до 18 месяцев) в Синагаве (Токио) или Усику (в Ибараки).

Большинство проживающих в Японии курдов говорят на диалекте курманджи курдского языка. Чтобы найти работу, курды быстро учатся говорить по-японски; курдские женщины, в основном знают только базовые (основные) фразы японского языка (приветствия, слова благодарности и т. д.). Курдские дети, родившиеся или воспитанные с раннего возраста в Японии, часто растут трехязычными – знают курдский, турецкий и японский языки. Курды, проживающие в Японии, пользуются культурными свободами, которые открыто не допускаются в Турции: им не запрещено использовать курдские флаги, слушать курдскую музыку, разговаривать на курдском языке, и праздновать курдский национальный праздник Навроз открыто и мирно в японских парках.

Важным шагом вперед в решении проблем турецкой иммиграции в Японии явилось предоставление в августе 2022 г. статуса беженца 30-летнему курду, имевшему турецкое гражданство, что явилось первым подобным случаем в Японии. Курдскому заявителю потребовалось восемь лет, чтобы получить статус беженца. Оба его заявления о предоставлении статуса беженца, которые он подал в апреле 2014 и 2018 гг. на том основании, что курдский народ подвергался преследованиям в Турции, были отклонены. В 2019 г. он подал иск в окружной суд Саппоро с требованием отменить решение не предоставлять ему статус беженца. После того, как окружной суд решил не отменять решение, он обжаловал постановление в вышестоящем суде. В мае 2022 г. в постановлении Верховного суда Саппоро был зафиксирован факт попыток истца, поскольку у него были синяки и шрамы, не характерные для повседневной жизни.

В постановлении суда также подчеркивалась угроза его преследования в случае депортации в Турцию. В связи с этим суд пришел к выводу, что он должен квалифицироваться как беженец, и что решение не признавать его таковым было незаконным. Решение было принято окончательно, поскольку японские власти решили не обжаловать его, так как пришли к выводу, что не возникло новых обстоятельств, которые могли бы помешать турецкому гражданину получить статус беженца [Hiraoka, Tauchi 2022]. Это событие было оценено в японских СМИ «как важное решение и большой шаг вперед» [Hiraoka, Tauchi 2022].

Принимая во внимание все вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. Новая волна миграции из Турции в Японию с начала 2000 г. привела к тому, что в настоящее время в Японии проживают более 5000 человек с турецким гражданством, из них около 2000 – курдов [Igarashi 2014, p. 62–63]. По данным Министерства юстиции Японии в 2013 г. из Турции в страну въехало 13470 чел., при этом в муниципалитетах было легально зарегистрировано 3083 турка [Igarashi 2014, p. 62–63]. По оценкам сотрудников посольства Турции в Японии, общее число турок в стране составляет более 6000, если учитывать нелегальных иммигрантов [Igarashi 2014, p. 62–63]. Таким образом, как число турок, легально въезжающих в Японию, так и число легальных резидентов увеличилось более чем вдвое с 2020 г. Они включают в себя представителей всех слоев общества, в том числе даже актеров и профессиональных борцов, некоторые из которых натурализовались. В Японии находится определенное количество как турецких, так и курдских беженцев. Некоторые из них получили визы через брак с гражданином Японии, другие получили «специальное разрешение на пребывание» – визы, которые должны продлеваться каждые три месяца, пока их заявление или апелляция на получение статуса беженца находится на стадии рассмотрения⁵. Эти беженцы сталкиваются с серьезными проблемами, поскольку японское правительство принимает очень мало просьб о предоставлении убежища, что означает, что многие из этих людей живут в постоянной неопределенности в обществе, где многие не говорят на японском языке, не имеют права работать и сталкиваются с неоднозначным будущим. При этом, по мнению экспертов, турецкие и курдские просители убежища не соглашаются просто на то, чтобы их ставили в положение неопределенности и пассивности. Напротив, они активно используют свое время для улучшения качества своей жизни и прилагают упорный труд, протестуя против ограниченности продуктивной жизни в Японии [Avci 2020, p. 156–193].

Очевидно, что в целом процесс приема и интеграции иностранцев, и в частности иммигрантов из Турции, в японское общество является крайне сложным. Однако, как отмечают эксперты в области иммиграции, в Японии постепенно начинают сниматься ограничения на использование зарубежной рабочей силы. По мнению Акимото Дайсукэ, доктора философии, научного сотрудника Института политики безопасности и развития Стокгольмского японского центра, «Япония изменит свою политику в области иммиграции и беженцев к лучшему и будет неукосни-

---

⁵ Число мигрантов в Японии невероятно мало для страны Большой семерки, и ожидается, что оно кардинально не изменится, оставаясь примерно 0,2% от общей численности населения архипелага с 1990-х гг. и по прогнозам до 2030 г.

тельно соблюдать соответствующие международные нормы в области прав человека, особенно *принцип невыдворения*, который гарантирует, что «никто не должен быть возвращен в страну, где ему могут быть причинены пытки, жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание и другой непоправимый вред» [Akimoto 2021]. Премьер-министр Японии Кисида Фумио в октябре 2023 г. заявил о расширении визового режима в стране, позволяющего иностранным рабочим и их семьям оставаться в Японии на неопределенный срок, – с двух отраслей (строительство и судостроение) до 11, включая чрезвычайно напряженный сектор услуг. «Мы должны учитывать общество, в котором мы сосуществуем с иностранцами», – подчеркнул он. [Reidy 2023].

Таким образом, несмотря на то, что Япония сохраняет национальную специфику в регламентации миграционной политики, можно ожидать смягчения иммиграционного законодательства по мере нарастания проблем с трудовыми ресурсами в стране.

Литература / References

1. Avci Yusuf. An Ethnographic Inquiry into Being an Asylum Seeker in Japan. The University of Sheffield, 2020.
2. Igarashi Zeliha Müge. Intimacy Crossroads: Turkish – Japanese Transnational Marriages Through Lenses of Culture, Religion and Gender. Tokyo: Waseda university, 2014.
3. Shindo, R. Struggle for citizenship: interaction between political society and civil society at a Kurd refugee protest in Tokyo // *Citizenship Studies*. 13(3). 2009.
4. Takeshita Sh. and Hanaoka K. Turkish Communities and Islamic Education for Children in Aichi Prefecture // *International Migrants in Japan* / ed. Ishikawa Yo. Victoria, Australia: Trans Pacific Press and Kyoto University Press, 2015.
5. Yilmaz, Z. and Turner, B. S. Turkey's deepening authoritarianism and the fall of electoral democracy // *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2019. Vol. 46. No. 5. Pp. 691–698. DOI: 10.1080/13530194.2019.1642662.

Электронные ресурсы / Electronic resource

1. Посол Японии вызван в МИД Турции в связи с политикой о трудовой миграции // *mk-turkey.ru*. 31.01.2019. URL: <https://mk-turkey.ru/politics/2019/01/31/motposol-yaponii-vyzvan-v-mid.html> (дата обращения: 15.02.2020).
2. Турция удовлетворена решением Японии по закону о трудовой миграции // *mk-turkey.ru*. 04.02.2019. URL: <https://mk-turkey.ru/politics/2019/04/02/mot-turciya-udovletvorena-resheniem-yaponii-po.html?ysclid=lqxrpxw9nx741585952> (дата обращения: 15.02.2020).
3. Японские дипломаты официально подтвердили побег в страну одного из сотрудников Генконсульства Турции в Казани // *Реальное Время*. 28.07.2016. URL: <https://m.realnoevremya.ru/news/38356?ysclid=lqxs5jgg4c461004671> (дата обращения: 15.02.2020).

4. Akimoto Daisuke. Japan's Changing Immigration and Refugee Policy // *The Diplomat*. 12.03.2021. URL: <https://thediplomat.com/2021/03/japans-changing-immigration-and-refugee-policy> (accessed: 20.02.2022).
5. Asakura T. Hunger-striking Kurd granted permission to remain in Japan // *Japantimes.co.jp*. 29.04.2001. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2001/04/29/national/hunger-striking-kurd-granted-permission-to-remain-in-japan/> (accessed: 16.03.2002).
6. Esenbel Selcuk. Turkey's Changing Foreign Policy Stance: Getting Closer to Asia? // *Middle East Insitute*. 04.10.2013. URL: <https://www.mei.edu/publications/turkeys-changing-foreign-policy-stance-getting-closer-asia> (accessed: 20.01.2014).
7. Ito M. Japan defies U.N., deport refugees // *Japantimes.co.jp*. 19.01.2005. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2005/01/19/national/japan-defies-u-n-deports-refugees> (accessed: 15.02.2020).
8. Ito M. Sit-ins win new home, in Canada! // *Japantimes.co.jp*. 08.07.2007. URL: <https://www.japantimes.co.jp/life/2007/07/08/general/sit-ins-win-new-home-in-canada/> (accessed: 20.01.2010).
9. Ito M. Desperate Kurd plays final asylum card // *Japantimes.co.jp*. 26.05.2012. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2012/05/26/national/desperate-kurd-plays-final-asylum-card/> (accessed: 25.12.2022).
10. Hammond, Kelly. Turkey and Japan are Old Friends. Can They Foster New Beginnings? // *Newlinesmag.com*. 07.10.2021. URL: <https://newlinesmag.com/essays/turkey-and-japan-are-old-friends-can-they-foster-new-beginnings> (accessed: 15.10.2021).
11. Hiraoka Haruto and Tauchi Kosuke. Japan grants refugee status to a Kurd of Turkish nationality // *Asahi Shimbun*. 10.08.2022. URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/14691992> (accessed: 10.09.2022).
12. Matsubara H. Kurdish asylum-seekers stage sit-in in Shibuya // *Lapantimes.co.jp*. 17.07.2004. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2004/07/17/national/kurdish-asylum-seekers-stage-sit-in-in-shibuya/> (accessed: 20.01.2010).
13. Matsubara H. Asylum seekers want answers from minister // *Japantimes.co.jp*. 08.04.2003. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2003/04/08/national/asylum-seekers-want-answers-from-minister/> (accessed: 20.01.2010).
14. Mahmud J. *Kurdish diaspora online*. New York: Palgrave Macmillan. 2016 // *Springer Links*. URL: <https://link.springer.com/book/10.1057/978-1-137-51347-2> (accessed: 15.10.2021).
15. Rauhala E., Birnbaum M., Nakashima E. Turkey blocks start of NATO talks on Finland's and Sweden's applications // *Washingtonpost.com*. 18.05.2022. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/05/18/finland-sweden-nato-apply> (accessed: 20.01.2023).
16. Reidy G. Japan is bringing in more foreign nationals than you think. // *Japantimes.co.jp*. 06.08.2023. URL: <https://www.japantimes.co.jp/commentary/2023/08/06/japan-japan-immigration/> (accessed: 10.111.2023).
17. Rich M. Ethnic Kurds find haven, but no home, in insular Japan // *Nytimes.com*. 16.08.2016. URL: <https://www.nytimes.com/2016/08/17/world/asia/japan-kurds-refugees.html> (accessed: 25.12.2022).

18. Sirkeci I. Turkey's refugees, Syrians and refugees from Turkey: a country of insecurity // Researchgate.net. 2017. URL: https://www.researchgate.net/publication/312164289_Turkey's_refugees_Syrians_and_refugees_from_Turkey_A_country_of_insecurity (accessed: 15.10.2021).
19. Turkish men arrested over October brawl near embassy // Japantimes.co.jp. 01.07.2016. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2016/01/07/national/crime-legal/turkish-men-arrested-october-brawl-near-embassy> (accessed: 15.10. 2020).
20. Visser N. Violent clash erupts in Tokyo between Turks, Kurds ahead of Turkey's election // HuffPost. 26.10.2015. URL: https://www.huffpost.com/entry/violent-clash-erupts-in-tokyo-between-turks-kurds-ahead-of-election_n_562d55f8e4b0ec0a3894d65f (accessed: 15.10.2020).
21. Wilson T, Saito M., Funakoshi M. and Miyazaki A. (2016) Banned from working, asylum seekers are building Japan's roads and sewers // Japantoday.com. 08.08.2016. URL: <https://japantoday.com/category/national/banned-from-working-asylum-seekers-are-building-japans-roads> (accessed: 25.12.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ледовская Ольга Андреевна –
канд. ист. наук, старший научный
сотрудник Института востоковедения
Российской академии наук, Москва,
Россия

Ledovskaya Olga A. – PhD (Hist.),
Senior Research Fellow, Institute of
Oriental Studies of the Russian Academy
of Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 08.01.2024.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 02.02.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 08.01.2024.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 02.02.2024.

The author has read and approved the final manuscript.